

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА И НАУКА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И.А. Бескова, д-р филос. наук, вед. науч. сотр.
Институт философии Российской академии наук
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24411/2500-1000-2019-11633

Исследование осуществлено в рамках государственного задания № гос. рег. АААА-А16-116040410114-3 «Эпистемология креативности: когнитивные и социально-культурные измерения».

Аннотация. Исследования в сфере философии творчества носят не просто междисциплинарный характер, но обладают мультидисциплинарным статусом, столь ярко выраженным, что, по существу, знания из практически любой дисциплины могут быть привлечены для более адекватного и расширенного понимания творческого процесса. И поскольку философия творчества способна выступать как сфера приложимости объединенных усилий и зона ассоциации интересов разных дисциплин, она может рассматриваться как, своего рода, пробный камень для выявления эффективности разработок не только в отдельных отраслях науки, но и возможностей их плодотворной интеграции. Современная философия обладает достаточным потенциалом развития для того, чтобы, используя свои ресурсы, помогать исследователям, работающим в рамках других дисциплин, взглянуть непредвзято на те методологические основания их подходов, которые лежат в самом сердце стратегий их работы. В статье обосновывается нереалистичный характер ожиданий того, что выявление нейробиологических коррелятов разных составляющих мыслительной активности позволит реконструировать ситуацию рождения сознания. Показано, почему такое положение вещей невозможно.

Ключевые слова: философия творчества, сознание, разум, когном, нейронаука, креативность, эпистемология, знание, мозг, субъективный опыт.

Проблематика творчества глубоко мультидисциплинарна, поскольку, аккумулируя знания из самых разных областей науки, может рассматриваться как размещающаяся на стыке философии и остального множества конкретно-научных дисциплин.

Для того чтобы понять природу творческой способности человека, мы должны осмыслить множество вещей: что представляет собой человеческое сознание, бессознательное, внимание, память, как происходит научение и как впоследствии полученные навыки (в том числе усвоенные когнитивные стили мышления) влияют на то, какой режим использования информации окажется доступным. Необходимо знать-понимать, как работает человеческий мозг: какие процессы уровня индивидуальной субъективной реальности поддерживаются и обеспечиваются теми или иными нейрофизиологическими кор-

релятами, какие изменения в архитектонике мозга сопряжены с глубинными трансформациями полей сознания, что меняется в мозговых динамиках, когда человек трансформирует свои убеждения и базовые установки, определяющие степень последующей эффективности или неэффективности его взаимодействия с привлекаемым материалом. Необходимо выяснить, какие специфические особенности мышления креативной личности, ее поведения, алгоритмов принятия решений сказываются на степени представленности творческой способности. Требуется также принять во внимание влияние специфики предметной области на креативность, соотношение таких показателей как креативность и возраст, специфичность творческих проявлений в зависимости от области локализации интересов творчески одаренных и многое другое.

Это далеко не полный перечень тех аспектов знаний, которые могут быть полезны в анализе творческой деятельности, но и так уже можно видеть, что он не только обширен и разнообразен, но и что он может продлеваться по любому из упомянутых направлений (а также множеству других, здесь не названных) практически до бесконечности. И это совершенно естественно, потому что творчество, творческая способность как способность созидать лично или социально значимое новое – это квинтэссенция эффективности усилий человека, концентрированное выражение максимально плодотворной деятельности всех его способностей, это высочайшее проявление всего потенциала человеческих возможностей. Наконец, это то, что выделяет человеческий вид из царства всех других видов живых существ, представленных на нашей планете.

Но такая обширность полей исследований, востребованных в философии творчества, как и всё в науке, имеет как сильную, так и слабую сторону. Сильную сторону подобной всепроникающей укорененности проблематики философии творчества я вижу в том, что это позволяет ее исследователям находиться в тренде современных силовых линий развития науки и не испытывать сомнений в высокой степени актуальности своей сферы знания. Ведь она не только способна аккумулировать достижения множества современных дисциплин, но и, эффективно переработав их, направлять во благо реальных ценностей человеческой жизни. А это – один из важнейших вызовов современного уровня развития науки: иметь дело с *реальными* задачами, действительно нести благо человеку, повышая качество его жизни. Именно таким бонусом исходно наделен исследователь в сфере философии творчества, поскольку творчество – чрезвычайно ценный ресурс повышения общего уровня качества жизни, как отдельного человека, так и общества в целом. Именно поэтому социумом поддерживаются разработки в сфере институционализированного (наука, искусство) порождения новых содержаний, лично, социально, культурно и/или духовно ценных. Высокая степень ресурс-

ности креативной способности проявляется так же в том, что люди, наделенные потенциалом создавать новое, чрезвычайно дорожат этой своей способностью. Как известно даже временная ее утрата переживается достаточно тяжело, а весь комплекс «симптомов» этого «недуга» настолько широко известен, что даже в общественном сознании обрел устойчивое наименование («творческий кризис»), став распространенной объяснительной моделью текущего неблагоприятного состояния переживающего его человека. Поэтому знание логики формирования и развития данной способности, понимание принципов ее воплощения, а также – возможно – условий, способствующих или препятствующих реализации творческого потенциала, – важная и актуальная составляющая современного поля научных разработок.

Потенциал интеграции

Однако в мощи феномена творчества кроется и великая сложность его исследования: чтобы быть доказательным, исследователю приходится осваивать огромные массивы пограничного знания, расположенного на стыке самых разных дисциплин, способных приносить новые ценные плоды в общую копилку опыта.

Тема интеграции усилий разных наук сейчас, как никогда, значима, поскольку рост специализации знания, сопровождающийся усложнением технического арсенала оснащенности науки, привел к значительной разобщенности ветвей знания. Ученые, работающие в той или области, пользуются не только специфическим арсеналом средств, эффективных применительно к стоящим перед ними конкретным задачам, но и – зачастую неповторимыми – ресурсами оформления таких исследований. Прежде всего, это разработанный в соответствии с собственными нуждами и отвечающий задачам их удовлетворения весьма специализированный аппарат научно-категориального «оснащения» самих дисциплин. При этом в разных науках нередко используются разные искусственные языки, настолько развитые и сложные, что представителям другой специализации не просто в них разобраться, чтобы понять результаты, полученные в рамках данной

науки, а особенно те методы, ту логику рассуждений, которая лежала в основе их получения. Это приводит к тому, что ученые, принадлежащие к разным отраслям знания, хотя и используют вроде бы один общий язык – естественный, понятный каждому, кто прошел стандартную социализацию, – тем не менее, как бы говорят на разных языках. В результате складывается ситуация, когда структура их суждений вполне ясна, но содержательное наполнение отдельных единиц высказываний (терминов искусственных языков) настолько незнакомо, что общий смысл суждений от представителей другой дисциплины может совершенно ускользать. Поэтому взаимопонимание, а также обмен результатами, информирование о достижениях и проблемах, нерешенных задачах и имеющихся наработках, могут быть сильно затруднены.

Сложность в организации продуктивного диалога (а то и полное его отсутствие) приводит к тому, что ученые все более замыкаются в границах собственных специализаций и устоявшихся представлений о том, как следует подходить к решению стоящих перед ними задач и какие методы при этом могут оказаться эффективными. В результате вполне реальной становится ситуация, где ученые бьются над какой-то своей задачей, тогда как в другой дисциплине имеются эффективные ресурсы, позволяющие сделать эту задачу намного более простой и решаемой. Яркий пример такого рода ситуации – положение вещей, сложившееся в рамках нового направления современной физики – амплитудологии. Группа ученых опубликовала научный результат, составлявший 17 страниц сложных интегралов, представлявший собой вычисление вероятности того, что при столкновении двух глюонов образуется четыре. Но спустя несколько месяцев другая группа ученых представила тот же результат в двух строчках. Что же произошло? Математик А. Гончаров, увидев расчеты, сразу осознал, что перед ним периоды, – хорошо знакомый в математике объект оперирования. Познакомив амплитудологов с методологией расчетов, с которой они не были прежде знакомы, он способ-

ствовал тому, что громоздкие вычисления удалось заменить элегантно формулой [1, с. 74].

Не менее сложной видится ситуация в сфере наук, занимающихся исследованием разума (сейчас популярно выражение этой проблематики как «изучение когнома»). В ходе таких исследований свои усилия стремятся объединить ветви науки, в которых есть возможность внести вклад в развитие NBIC (nano-bio-info-cogno)-проблематики. При этом, хотя формально философию никто из этого пространства не удалял, но и признавать ее эффективность (в плане возможности внести свой вклад в эти исследования) ученые тоже не спешат. Может быть они правы, и современная философия так же далека от реальных сфер приложимости знания, как и много веков назад, во времена схоластических дискуссий?

Не хотелось бы так думать. Надежду на адекватность иного видения места и роли философии в современных исследованиях разума дает то обстоятельство, что – как и в других науках – в ней постепенно пробивают себе дорогу методологии, которые оказываются более применимыми для истолкования природы происходящего в реальной, подлинной жизни. Я имею в виду неклассические эпистемологии в целом, и конкретно – недуральный подход в истолковании человеком природы, как окружающего мира, так и в понимании самого себя. Если характеризовать происходящую трансформацию, то мне кажется возможным применить идею, сформулированную Даной Зохар [2, с. 62-88]. А именно, что в современном обществе ньютоновская парадигма само- и миропонимания должна уступить место квантовому мировидению, одной из отличительных черт которого выступает **большая чувствительность** к индивидуальному, личностному, неповторимому, критичность по отношению к общепотребимым установкам и схемам мышления, способность в творческом порыве открывать новые паттерны упорядочения опыта, не вписывавшиеся в прежнюю парадигму.

Если представлять ее концепцию коротко, она выделяет три основных типа

мышления: рациональное, ассоциативное и творческое. Для первого характерна логичность (я бы, правда, уточнила, не логичность вообще, а склонность следовать законам *классической* логики), связанность жесткими правилами, линейность, пренебрежение эмоциональной составляющей опыта. Второй тип мышления – ассоциативное, – в большей степени соотнесено с эмоциями, чувствами, телесными ощущениями; оно подчиняется не правилам, а привычкам. И, наконец, третий тип, – творческое, рефлексивное мышление, которое ломает старые правила и устанавливает новые, способно подвергать сомнению самые фундаментальные постулаты, лежащие в основании построений, за счет чего обретает власть выводить за пределы имеющихся подходов. На мой взгляд, совершенно справедливо Д. Зохар аттестует первый тип мышления как тот, который разворачивается в соответствии с ньютоновской парадигмой само- и миропонимания, с классически истолковываемой рациональностью. Творческое же мышление заслуживает аттестации квантового и позволяет эффективно взаимодействовать с тем содержанием опыта, которое классической парадигмой отбрасывается как не удовлетворяющее основным ее принципам.

Науки и философия: взаимное недоверие или сотрудничество?

Какие же отношения связывают современную философию с науками более прикладного спектра исследований?

Один из основоположников современной социобиологии Э. Уилсон считает, что в последние десятилетия четыре пограничных территории, берущие свое начало от биологии, принялись мостить общую промежуточную область исследований. Это, прежде всего, *когнитивные нейронауки, генетика, социобиология и биология окружающей среды (environmental biology)*, обеспечивающая более глубокое понимание мира, в окружении которого человеческие виды эволюционировали и к которому оказались как физически, так и ментально, адаптированы. Со стороны социальных наук в этом движении, на его взгляд, участвуют *когнитивная психология*

и *антропология*. Размышляя над тем, разделено ли естественнонаучное и гуманитарное знание непроходимой гранью или эти две составляющих представляют собой некое единство, он вопрошает: «Существует ли водораздел между двумя великими ветвями исследований?» Отвечая на него, Э. Уилсон подчеркивает, что «демаркационная линия», очерчивающая границы этих отраслей знания, по сути, представляет собой «широкую область пока еще слабо понимаемых ментальных феноменов, ожидающих совместного исследования, инициированного с обеих сторон» [3, р. 13]. И поскольку пограничные зоны содержат много неясного, он характеризует их не столько как линии разграничения, сколько как проблематизированные поля, само обстоятельство наличия которых является вызовом для любого думающего человека, – неважно, к какой конкретно дисциплине относится его специализация. Таким образом, можно сказать, что так понимаемые пограничные проблематизированные поля – это, скорее, точки роста для современной науки, чем препятствие на пути развития успешной коммуникации в ней. Более того, само обстоятельство такого наличия, скорее, позитивный побуждающий стимул для творческого воплощения собственных идей с использованием возможностей и ресурсов, наработанных в других дисциплинах, чем приговор сотрудничеству. В согласии с этим представлением звучит позиция профессора физики и астрономии Колгейтского университета, Виктора Мэнсфилда относительно мультидисциплинарных тем и подходов: «Касается ли это теоретической физики, буддизма или психологии К.Г. Юнга, пристальное рассмотрение неясностей всегда выводило меня на плодотворную почву и давало много возможностей» [4, с. 38]. Так что само по себе обстоятельство наличия слабо очерченного или не вполне прозрачного пограничного поля исследований, пока недоступного для строгих и четких пониманий, должно не столько обескуражить, сколько вселять оптимизм в плане потенциальной возможности совершения новых открытий.

Э. Уилсон подчеркивает необходимость объединения усилий, «великих ветвей исследования», полагая, что именно это «обеспечивает осмысление человеческой природы с большей объективностью и точностью, а также делает более очевидным то, что является ключевым для понимания человеком самого себя» [3, р. 14].

С таким выводом трудно не согласиться. Однако весьма жаль, что философия в контексте сотрудничающих наук даже не упоминается. И, к сожалению, следует констатировать, что это – не случайное упущение. Многие специалисты настроены довольно скептически по отношению к философии, считая ее чем-то бесполезным и запутывающим. Этот взгляд далеко не нов. Весьма красноречивую его иллюстрацию можно обнаружить в воспоминаниях Конрада Лоренца, отмечавшего, что на заре становления эры этологии, многие представители тех дисциплин, которым впоследствии предстояло объединить усилия для разработки современной теории познания, ощущали себя находящимися по разные стороны баррикад. Он аттестует этот этап следующим образом: «Одним из таких общественных факторов стало взаимное презрение. Так, например, неокантианец Курт Лейдер, определял науку как «кульминацию догматической узости мышления», тогда как мой учитель Оскар Хейнрот дезавуировал философию как «патологическое бездельничание способностей, дарованных человеку для познания природы». Даже те философы и ученые, которые более высокого мнения друг о друге и питают взаимное уважение, не ждут от противоположной стороны какого-либо приращения знания, имеющего существенное значение для их собственной работы, и не считают для себя обязательным даже следить за тем, что происходит по другую сторону забора. Вот так был воздвигнут барьер, препятствующий прогрессу человеческого познания в том самом направлении, где он особенно необходим: в сфере объективного исследования взаимодействия между постигающим разумом и объектом его восприятия» [5, с. 57].

Ту же тенденцию выделяет Герхард Фолльмер, указывая, что принципиальной преградой на пути объединения усилий различных отраслей знания в исследовании «непрозрачных зон» на стыке наук является опасение узких специалистов забираться в сферу влияния философии, поскольку у них нет уверенности, что они хорошо разбираются в вопросах теории познания. В свою очередь, философы поверхностно и неполно понимают существо проблем и методов современных естественно-научных дисциплин, а также смысл полученных в них результатов. Он пишет: «В вопросе об эволюции познавательных способностей естествоиспытатели, представленные прежде всего психологами, теоретиками эволюции и этологами, ограничивались в большинстве случаев некоторыми общими замечаниями, не отваживаясь слишком глубоко входить в чужую дисциплину – теорию познания. С другой стороны теоретики познания и другие философы учитывали эволюционную позицию весьма редко и поверхностно» [6, с. 12].

Сегодня, спустя десятилетия, все еще слышен отзвук прежних предубеждений, его можно уловить и в отзывах современных ученых. Так, Рай Сентенция, директор Центра когнитивной свободы и этики, Дэвис, Калифорния, также подчеркивает различие подходов и методологий философии и прикладных наук, отмечая: «Когда консервативный креационист встречает радикального трансгуманиста или представитель нейронаук говорит с философом-спиритуалистом о возрастающем (enhancing) знании, более чем вероятно, что их идеи относительно того, что возможно или даже желательно, будут полярно противоположны» [7, р. 221–222].

Вместе с тем, появились и более обнадеживающие признаки: теперь, хотя бы иногда, отмечается необходимость и желательность усиления таких контактов. В частности, тот же Р. Сентенция подсказывает, что в настоящее время вследствие быстро расширяющейся сферы действия нейронаук и растущей области технологических достижений, способных усилить познавательные возможности человека, воз-

никающая область нейротики призвана рассматривать социальные и этические последствия открытий и тенденций в нейронауках. «Чтобы обсудить сложные этические вопросы, которые ставят рождающиеся технологии роста человеческого знания, мы должны преодолеть политическое, дисциплинарное и религиозное сектанство» [7, р. 222].

Слышны и более решительные голоса в поддержку вклада философии в общую копилку решений. Довольно точно, на мой взгляд, ощущает потенциальные возможности философии применительно к проблемным полям современных исследований Витторио Галлезе – профессор физиологии человека в нейронаучном отделении Пармского университета. Его собственный подход, разворачивающийся в русле учета более широкого континуума динамик при исследовании нейрологических коррелятов социального познания, выливается в более адекватное представление относительно того, какую роль философия способна играть во взаимодействии наук о человеке. Он объясняет: «Ученые, полагающие, что их наука со временем избавится от *всех* философских проблем, просто себя обманывают. Наука может исключить ложные философские проблемы, – но это совсем другое дело. Если цель нашей науки понять, что значит быть человеком, нам необходима философия, которая прояснит, какие вопросы стоят на кону, какие проблемы требуют разрешения, что эпистемологически обосновано, а что нет» [8, с. 237].

Таким образом, мы видим, что хотя бы в сфере экспертиз научного знания (будь то установление степени этичности некоторых современных подходов, или же логико-методологическая оценка применяемых моделей) вклад философии все же предполагается. Хотя, несомненно, это очень ограниченное видение ее потенциала.

Есть ли возможность улучшить ситуацию?

Важная тенденция, «вызову» которой желательно соответствовать, чтобы оказаться включенными в общий пул сотрудничающих дисциплин, – это поворот нау-

ки к сфере реального человеческого опыта. Профессор Реджиналд Голледж, директор исследовательской группы по проблемам пространственного познания и выбора Калифорнийского университета Санта Барбары, полагает, что в современной науке уровень актуальных исследовательских задач (в его терминологии, «проблем из области реального мира») таков, что «требует большей мерности, чем та, что доступна в рамках одной дисциплины» [9, р. 199]. По его мнению, рост мультидисциплинарной активности в некоей проблемной сфере – отчетливое свидетельство того, что исследование продвигается «в пространство реального».

Мультидисциплинарный статус наиболее интересных исследовательских программ приводит к тому, что прежде очерченные границы наук размываются. Стремление ученых выйти за пределы традиционных дисциплинарных пределов диктуется желанием получить доступ к теориям, методам, эмпирическим данным, презентативным и репрезентативным моделям и средствам из исследовательского арсенала иных, чем собственная, дисциплин. Это, безусловно, вызов, который требует культивирования определенной терпимости к познавательным установкам, сложившимся в рамках других отраслей знания. Поэтому, как отмечает Родни Николс, многолетний президент Нью-Йоркской Академии наук, необходимо развивать уважение к «смежным отраслям знания». В этом может помочь осознание того обстоятельства, что открытия в области одной науки не являются угрозами для другой, но представляют собой вызовы каждому думающему человеку из любой области знания.

Некоторые ученые в настоящее время осознают необходимость выработки обобщающей методологии, делающей возможным сопоставление результатов и их обсуждение на всем понятном языке науки. Однако здесь существует ряд объективных трудностей. Одна из них состоит в следующем: данные точных наук жестко «сертифицированы», – их получают в лабораторных условиях под строгим экспериментальным контролем. Иначе обстоит

дело с социальными или бихевиоральными дисциплинами: зачастую оказывается, что их сведения частичны или неполны, иногда неточны, подвержены разного рода ошибкам, оценочны или интерполяционны. «Продолжает оставаться главный вызов интеграции строгих фактов физической реальности и более мягких фактов из сферы когнитивных или бихевиоральных данных» [9, p. 200]. И это, безусловно, серьезная трудность на пути интегрированного взаимодействия и координации усилий наук, занятых исследованиями разума.

Вместе с тем не следует забывать, что для успешной междисциплинарной коммуникации требуется подходящий язык, на котором могли бы обсуждаться интересные проблемы. Этот язык должен быть понятен всем сторонам и в то же время достаточно надежен в плане обеспечения общенаучных стандартов выразимости и валидности. Говоря о запросах-ожиданиях в отношении такого языка, Р. Николс подчеркивает, что он должен быть ясным, точным, математически выверенным, допускающим международную коммуникацию, чтобы результаты, полученные в одной сфере знания, были доступны для «продвинутого понимания другими областями» [10, p. X].

Но задача разработки приемлемого общенаучного средства общения (языка и интерфейсных коммуникативных ресурсов) – это пустяк по сравнению с тем, что существуют виды знания и опыта, которые *в принципе* не допускают выражения с помощью каких бы то ни было языковых средств: хоть точных («жестких»), хоть «мягких». Как указывает В. Мэнсфилд: «Такое знание не является ни объективацией, ни овеществлением. Такой личный опыт, или переживание, радикальным образом отличается от научного знания, которое обязано быть полностью объективизируемо и количественно описываемо. Прямое знание основы сознания, «не тронутой мыслью», должно быть неконцептуальным, его нельзя поймать в сеть количественного описания, подобно научному термину или принципу» [4, с. 25].

Как справиться с этой задачей, пока не вполне ясно. При этом обращение к подобному рода знанию стоит на повестке дня довольно остро. Дело в том, что когда мы ограничиваем зону рассмотрения только теми вариациями человеческого опыта, которые лежат в русле традиции истолкования его в категориальной сетке классической рациональности, оказывается, что наша база рассмотрения интересующих человека феноменов, воспринимающихся в качестве допустимых и значимых для построения адекватной теории познания, чрезвычайно заужена. В результате всё, мало-мальски выбивающееся из общего профиля привычности и повседневной обыденности, и, тем самым, выходящее за грани идеала ньютоновского типа мышления (в терминологии Д. Зохар), предстает как невозможное, недопустимое, иллюзорное или мистическое. В свою очередь, используемые ресурсы и методы довольно жестко ограничивают сферу приложимости так отстроенного аппарата анализа. В результате подобной предвзятости из научного рассмотрения выпадает огромное множество составляющих человеческого опыта, которые на базе парадигмы классической рациональности не могут получить адекватного истолкования.

В настоящее время научное сообщество все в большей мере подвигается к осознанию того, что, изучая природу разума, не следует привычно ограничиваться только сферами рутинных операций в рамках мыслительных процедур – хорошо изученного «ньютоновского» типа мышления. Надо активнее расширять границы исследований вплоть до включения в орбиту интереса разных аспектов пограничного и неповседневного опыта. Только тогда мы сможем сказать, что приступили к созданию подлинно значимой теории сознания. Сейчас же, по мнению Т. Метцингера, одного из ведущих европейских философско-когнитивистов, мы находимся лишь в самом начале пути: «Чтобы реабилитировать как предмет исследования классические философские темы, такие как «самосознание» или «субъективность», надо развивать теорию, которая может интегрировать все данные в эмпирически убедительную

модель. Количество этих данных значительно возросло за последнее столетие» [8, с. 120]. Он так же констатирует, что «с научной точки зрения наука о сознании только начинается» [8, с. 33].

Аналогичной позиции придерживается и видный французский философ, индолог Мишель Юлен. Вводя в сферу своих интересов разные аспекты неординарного, неповседневного опыта, он подчеркивает, что только на этой основе можно по-настоящему понять природу человеческой осознанности. «Можно говорить о некоторых «пограничных ситуациях», когда против нашей воли мы сталкиваемся с этой ускользающей от обычного взгляда реальностью, например, находясь в измененных состояниях сознания, вызванных... экстремальным опытом, или же, скажем, болезнью, обмороком, или приближающейся смертью – ситуацией так называемого околосмертного опыта. Столкнувшись с таким опытом, что вполне может произойти с нами буквально в любой момент, мы вынуждены осознать узость категорий, используемых нами для ориентации в повседневной жизни. Мы становимся похожими на городских лошадей, с которых внезапно сняли шоры, привычно мешающие им смотреть по сторонам, чтобы не отклоняться от установленного маршрута. В некотором смысле, этот опыт способствует внезапному падению всех шор и, таким образом, предоставляет нам шанс, которого мы никогда не обрели бы собственными усилиями, слишком робкими и дискретными, – встретиться лицом-к-лицу с «благодатным и страшным великолепием человеческого удела»» [11, с. 165].

Таким образом, мы видим, что установка принимать во внимание лишь повседневные, привычно-обыденные формы человеческой практики, приводит к противоречивости методологической позиции: изучая механизмы работы сознания, с одной стороны, мы сами ограничиваем сферу принимаемого во внимания опыта лишь тем, который соответствует устоявшимся стандартам «объективности, научности, рациональности», отказываясь учитывать феномены из сферы необычного, нестандартного, редко встречающегося, в том

числе экстремального, а также не общезначимого опыта. С другой, – объявляем всё то, что не вошло в нашу зону истолкования, иррациональным, мистическим, невозможным, ненаучным, необъективным и пр., – именно потому, что наши модели этот тип знания не поддерживают, не представляют.

Заключение: конструктивны ли ожидания нейронауки

в отношении природы разума?

Подводя итог, хотелось бы сжато обозначить тот потенциал философского дискурса, который сегодня представителями конкретно-научных дисциплин (за небольшим исключением в лице таких благожелательно настроенных исследователей как Витторио Галлезе) недооценен. В частности, коснуться вопроса о том, что может сделать философия для того, чтобы помочь представителям естественно-научного знания понять, в чем исток тех трудностей, с которыми они сталкиваются на пути изучения разума, выяснить, почему, несмотря на огромное количество прилагаемых усилий, вопрос о природе сознания до сих пор так и не решен. В частности, показать, вследствие чего пока не увенчались успехом современные попытки обрести искомое на пути все более подробного и полного изучения нейрологических коррелятов различных аспектов субъективного опыта. И, судя по пессимистическим прогнозам специалистов, неизвестно, удастся ли ученым преуспеть в решении этой задачи. Как справедливо отмечает Вольф Зингер – нейрофизиолог, основатель Франкфуртского института передовых исследований, «Даже если мы получим точное описание нейронных состояний, при которых возникает сознание, это еще не объяснит, каким образом паттерны активации нейронов в конечном итоге вызывают субъективные ощущения, эмоции и тому подобное... Самые сложные вопросы состоят в том, ...как из распределенной активности нейронов возникают субъективные чувства, так называемые квалиа» [8, с. 95].

Это пример пессимистической оценки перспектив продолжения исследований в обозначенном русле. Но такая оценка все

же редкость; чаще представители нейронаук с большим оптимизмом смотрят в будущее, полагая, что все неудачи в попытках добиться главной цели – постичь природу сознания, – лишь следствия того, что еще недостаточно полно, недостаточно детально изучено поле манифестации разума. Еще остаются «белые пятна» на карте, репрезентирующей мозговую деятельность, еще не все связи и зависимости прояснены. Хороший пример такой позиции – совершенно профессиональное, выглядящее обоснованным и взвешенным, ясно сформулированное суждение: «Нас тормозит то, что сейчас мы видим мозг довольно нечетко... Нейробиологические исследования показывают, что внутри каждой области мозга каждую миллисекунду возбуждаются миллионы нейронов. А мы можем только косвенно измерять их уровень активности примерно раз в секунду. Таким образом, мы можем определить структурные связи мозга лишь приблизительно. К счастью, ученые и инженеры работают над тем, чтобы получить более четкие данные, которые позволят заглянуть в глубину» [12, с. 23].

Так удастся ли заглянуть в глубину, если будут реализованы все амбициозные проекты по совершенствованию исследований сознания, если не подведут специалисты, создающие технику для экспериментов, если наука будет на должном уровне точности добываемых сведений, если будут выделены ассигнования, если будут созданы все условия?

Я убеждена в том, что современная философия, а точнее, логико-методологический анализ базовых установок, лежащих в основе соответствующих ожиданий и ориентированных на них исследовательских стратегий, дает возможность получить ответ на этот интригующий вопрос. Это ответ заключается в следующем: установка на то, что более обширное, более детализированное, точнее хронометрированное знание деталей позволит реконструировать работу целого, **верна не всегда**. Она справедлива лишь в том случае, когда предметом изучения выступает объект/сущность/образование, созданное человеком в процессе одной из

разновидностей творческой активности, которая, согласно типизации Г. Гачева, может быть названа «ургией». И она же нереализуема в том случае, если объектом рассмотрения выступает образование уровня «гония». Что это за категории?

Георгий Гачев, выдающийся отечественный философ, при исследовании национальных образов мира исходил из идеи соотнесения вариантов реализации творческих потенциалов с типами культур. Он полагал, что «ЭВРИСТИЧЕСКАЯ сила национальной ментальности: *дар открывать и изобретать особым образом*» (курсив мой – И.Б.) [13, с. 14]. Он, в частности, говорил о существовании двух типов, двух схем творения: творение как порождение и творение как созидание, конструирование. Первое связано с естественными процессами, второе характеризуется как искусственное, преднамеренное «делание»: «Культуры и миропонимания различаются тем, как они понимают происхождение мира и всего в нем. Порождены они Природой или сотворены Трудом? Генезис или Творение?.. Для мирозерцания Эллады типичен взгляд на все как на порождаемое: Теогония и Космогония. Для иудеев характерен креационизм: Творение мира Богом за 7 дней. Эти принципы я обозначаю терминами ГОНИЯ и УРГИЯ. Первое от греч. *gone* = рождаемое, того же корня, что и «ген», и обозначает то, что порождено природой, возникает естественно. Второе – от греческого суффикса деятеля *ourgos*, означающего «труд», «работу», как в слове «демиург» (творец, труженик, ремесленник)... «Ургия» - это искусственное сотворение, создание трудом, понимаемое как первоценность в сравнении с бессознательным рождением Природы» [13, с. 21].

Я убеждена, что рожденное в акте гонии – т.е. «естественного», природного творения-как-рождения, не созданное искусственным путем, – не может быть воспроизведено, воссоздано в результате применения операции, обратной разбиению целого на части, восстановлено в функции целого. Говоря проще, целое в результате соединения частей не воссоздается. Целое в рамках процедуры научного изучения может быть разбито на части, –

это и есть операция анализа. Но целое – как нечто, никогда ранее из частей не состоявшее, не конструировавшееся на этапе своего порождения, – воссозданию не подлежит: воспроизводима лишь *суммативность* как объединение частей. Однако суммативность отличается от целого так же радикально, как живой Иван-царевич из сказки «Молодильное яблочко» отличается от той вариации, которая получается в результате того, что царевна собирает кусочки разрубленного на части тела Ивана и складывает их вместе. (Кстати, это образ довольно распространенный в культуре: например, ту же процедуру по отношению к своему супругу Осирису проделывает Исида). В сказке говорится о том, что такое сложенное тело она сбрызгивает мертвой водой, чтобы оно срослось. Подобной вариацией складывания вместе прежде разрозненных, диссоциированных, изолированных частей, полученных вследствие применения операции анализа, и будет нейрологический коррелят субъективных ощущений, состояний, переживаний. Но субъективные ощущения, состояния, переживания так же **не рождаются** из такого коррелята, как живой Иван-царевич не возникает после сбрызгивания кусков его тела мертвой водой. Живое рождается только из/от живого. Из мертвого, а также искусственно собранного, а прежде существовавшего в виде изолированных частей, целое-живое рождено/воссоздано быть не может. Именно поэтому акт творения как созидания нового в процедуре «рождения»-*гонии* принципиально отличается от творения нового в акте создания трудом, *ургии*. Ургия – это **делание** нового, это искусственный процесс, осуществляемый кем-то преднамеренно. Гония – это *естественный акт рождения нового*, далеко не всегда поддающийся контролю и никогда не поддающийся управлению. Воссоздание прежде разложенного на составные части целого, как методологическая процедура, возможно по отношению к тому, что ранее было сотворено (получено, создано) *в акте ургии*: преднамеренного, искусственно осуществляемого делания. То, что изначально было сотворено/рождено *в акте гонии*, процедурой, обратной дейст-

вию разбиения на составные, *не воспроизводится*. Целое, как продукт гонии-рождения – в отличие от суммативности (как **составленности** общего из частей) – процедурой, обратной процедуре разбиения на части, не воспроизводится.

Таким образом, подводя итог проведенному рассмотрению, можно сказать: вариантом экспликации процедуры созидания нового *по типу ургии* (искусственного делания-производства чего-либо) выступает понятие суммативности – как составленности общего из частей, как форма объединенности, в которой аспект жизненности не представлен так же, как он не представлен в собранном из разрозненных элементов теле Ивана-царевича. Это что-то вроде философского зомби, который может осуществлять деятельность, работать, но в полной мере живым такое образование не является.

Вариантом экспликации процедуры *созидания нового вследствие гонии*, рождения, выступает рождение одного целого от другого целого, одного живого от другого живого. Подобного генеза целое в акте, обратном разбиению на составные, **не воспроизводится, его новое повторное рождение не иницируется**. Но именно к такому классу объектов относятся все сложно анализируемые феномены: мышление, сознание, творчество. Вот почему, когда нейро-ученые пытаются добиться рождения феномена сознания на основе активизации нейронных связей, это им не удается. Они ищут причины этого в том, что еще недостаточно полно и детально изучили, воспроизвели, освоили предмет своих исследований. На самом же деле причина в другом: по отношению к феноменам этого ряда сложности (живое целое, целое как результат гонии) сделать задуманное **невозможно**. Данные феномены не созданы в результате процедуры конструирования нового, они в ней и не воссоздаются.

Вот лишь один частный пример того вклада, который исследования в области философии творчества способны внести в общую копилку данных о природе человеческого разума. Это небольшая часть того потенциала, который имеется у философии

– как науки, специализирующейся на исследовании не только неких объектов, но методов их исследования, а также методов исследования самих этих методов. Именно потому, что это деятельность высокого уровня абстракции, требующая специальной подготовки, невозможно и нереалистично ожидать, что ее смогут выполнить сами представители конкретных дисциплин. Они и не должны этого делать: их этому не обучали и они к этому не предрасположены, – поскольку изначально выбрали в качестве объекта своих интересов более частные и практически ощущаемые сферы знания. По моему глубокому убеждению, эту работу должны проделывать

сами философы, и это будет их вклад в дело накопления и развития знания в сфере частных и прикладных наук. Это также будет отчетливым свидетельством поворота философского дискурса в сторону практических и прикладных ценностей: философия в состоянии обслуживать не только собственные процессы генерации знания, но и помогать в этом тем, кто такими навыками не владеет. Это так же естественно и продуктивно, как естественна и продуктивна помощь математика амплитудологам, сходу распознавшего в семнадцатистраничном вычислении более ясные и элегантные закономерности.

Библиографический список

1. Хинпель М. фон. Код частицы // В мире науки / Scientific American. – 2019. – №3. – С. 70-77.
2. Зохар Д. Квантовый лидер: Революция в мышлении и практике бизнеса. – М.: ООО «София», 2017. – 352 с. С. 62-88.
3. Wilson E. O. How to Unify Knowledge // Unity of Knowledge: the Convergence of Natural and Human Sciences (ed. by Antonio R. Damasio et al.) New York: The New York Academy of Sciences, 2001. – P. 12-18.
4. Мэнсфилд В. Тибетский буддизм и современная физика: На пути к единству любви и знания. – М.: Новый Акрополь, 2010. – 208 с.
5. Лоренц К. По ту сторону зеркала // Эволюция. Язык. Познание. / Отв. ред.: И.П. Меркулов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 55-69.
6. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М.: Русский двор, 1998. – 194 с.
7. Sententia Wr. Cognitive Liberty and Converging Technologies for Improving Human Cognition // The Coevolution of Human Potential and Converging Technologies / Ed. by Mihail C. Roco and Carlo D. Montemagno. Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 1013. N.Y.: New York Academy of Sciences, 2004. P. 221–229.
8. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. – М.: Изд-во АСТ, 2017. – 413 с.
9. Golledge R. G. Multidisciplinary Opportunities and Challenges in NBIC // The Coevolution of Human Potential and Converging Technologies / Ed. by Mihail C. Roco and Carlo D. Montemagno. Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 1013. N.Y.: New York Academy of Sciences, 2004. – P. 199-212.
10. Nichols R. W. Opening Remarks // Unity of Knowledge: the Convergence of Natural and Human Sciences (ed. by Antonio R. Damasio et al.) New York: The New York Academy of Sciences, 2001. P. IX–1.
11. Юлен М. О падении в горах // История философии. – 2003 – № 10. – С. 123-124.
12. Бассетт Д., Бертолеро М. Как материя становится сознанием // В мире науки / Scientific American. – 2019. – № 8-9. – С. 14-23.
13. Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.

**PHILOSOPHY OF CREATIVITY AND SCIENCE: THE FACETS
OF INTERACTION**

I.A. Beskova, *Doctor of Philosophy, Leading Research Fellow*
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

Abstract. *Research in the field of philosophy of creativity is not just interdisciplinary one, but has a multidisciplinary status: knowledge from almost any disciplinary field can be attracted to a more adequate and expanded understanding of the creative process. And since the philosophy of creativity is capable of acting as a sphere of applicability of joint efforts and as a zone of combining the interests of different disciplines, it can be considered as a kind of touchstone for identifying the effectiveness of developments not only in separated fields of science, but also the possibilities of their fruitful integration. Modern philosophy has developmental potential sufficient to help the researchers from other disciplines to look impartially at the methodological foundations of their approaches that underlie their work strategies. In particular, this makes it possible to assess the degree of realism of their forecast expectations in relation to their chosen ways of problem solving. The unrealistic character of the expectations that the identification of neurological correlates of different mental activity components will allow reconstructing the situation of the birth of consciousness is substantiated in the paper. Also it is shown why this state of affairs is impossible.*

Keywords: *philosophy of creativity, consciousness, mind, cognome, neuroscience, creative mind, epistemology, knowledge, brain, subjective experience.*